

УДК 343.13

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СТАТУСЫ ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ****Илья Степанович Дикарев**

Волгоградская академия МВД России, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. Для уголовного судопроизводства характерно разнообразие процессуальных статусов лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Причем на стадии предварительного расследования таких статусов сразу два — подозреваемый и обвиняемый, в связи с чем в юридической литературе высказываются предложения закрепить единый статус. В ходе исследования была обоснована несостоятельность таких предложений, поскольку наличие двух процессуальных статусов у лица, в отношении которого в ходе расследования осуществляется уголовное преследование, имеет важное практическое значение: в зависимости от статуса (подозреваемый или обвиняемый) варьируется допустимая мера процессуального принуждения. Кроме того, показана зависимость процессуального статуса от сущности выдвинутого в отношении лица тезиса о причастности к совершенному преступлению. Каждый раз, когда происходит трансформация имеющегося тезиса или выдвижение нового утверждения относительно причастности лица к совершенному преступлению, изменяется и процессуальный статус лица, подвергнутого уголовному преследованию.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, уголовное преследование, обвинение

Для цитирования: Дикарев И. С. Процессуальные статусы лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 43—49.

**PROCEDURAL STATUS OF AN INDIVIDUAL SUBJECT
TO PROSECUTION****Iliya Stepanovich Dikarev**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd State University, Volgograd, Russia,
iliadikarev@volsu.ru

Abstract. Criminal procedure is characterized by a variety of procedural statuses of an individual subject to prosecution. In fact, there are such two statuses at the stage of preliminary investigation — a suspect and an accused. Therefore, suggestions are made in legal publications to establish one status. The research proved the inconsistency of such suggestions, as the existence of two procedural statuses for an individual subject to investigation followed by prosecution is of a paramount practical importance: the status (whether it is a suspect or an accused) determines the admissible coercive procedural measure. Moreover, the article demonstrates the dependence of a procedural status on the essence of the proposition brought against the person related to his / her involvement in the crime committed. Every time there are transformations or reconsiderations of the proposition related to an individual's involvement in the crime committed, it eventually leads to the change of the procedural status of an individual subject to prosecution.

Keywords: a suspect, an accused, a convicted, justified, prosecution, accusation

For citation: Dikarev I. S. Procedural status of an individual subject to prosecution. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 43—49, 2025. (In Russ.).

Движение уголовному процессу всегда придает деятельность стороны обвинения. В чем бы производстве ни находилось уголовное дело — следователя, дознавателя или суда, — уголовно-процессуальная деятельность будет осуществляться только при условии, что сторона обвинения выдвигает требование о применении уголовного закона к лицу, совершившему запрещенное уголовным законом деяние, или осуществляет в ходе досудебного производства подготовительную к выдвиганию такого требования деятельность. Таким образом, деятельность стороны обвинения, именуемая уголовным преследованием, всегда имеет субъективную направленность, ведь применение уголовного закона возможно только к определенному лицу. Не на всех этапах судопроизводства эта особенность предполагает персонифицированный характер уголовного преследования: на стадии возбуждения уголовного дела и на начальных этапах предварительного расследования часто бывает неизвестно, кто конкретно совершил преступление, но уголовное преследование тем не менее уже осуществляется.

Дело в том, что сообщение о преступлении, и уж тем более обнаружение по результатам его проверки признаков преступления служит основанием для презумпции существования лица, это преступление совершившего, а значит, продолжающего представлять опасность для общества. Принцип публичности, в основе которого лежит положение ст. 2 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020), обязывающей государство признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, требует от органов расследования, как государственных органов, нейтрализовать эту опасность для общества и добиться привлечения виновного к уголовной ответственности. В связи с этим дознаватель или следователь, получив сообщение о преступлении, обязан инициативно провести проверку, изучать обстоятельства совершенного преступления и собирать доказательственную информацию, с тем чтобы пока еще обезличенная фигура правонарушителя приобрела свои очертания. Другими словами, на этом этапе судопроизводства ведется преследование пока еще неизвестного преступника. И когда это лицо будет установлено, оно приобретет статус участника уголовного процесса со стороны защиты.

Особенность правового положения лица, в отношении которого осуществляется уголовное пре-

следование, заключается в том, что в ходе производства по уголовному делу его статус постоянно изменяется: вначале он подозреваемый, затем обвиняемый, подсудимый, а после постановления приговора — осужденный или оправданный. Если же уголовное дело в отношении гражданина будет прекращено (причем независимо от того, по какому именно основанию), то в случае возобновления процессуальной деятельности, например в связи с обжалованием вынесенного судом постановления в апелляционном порядке, этот гражданин приобретет статус «лица, в отношении которого прекращено уголовное дело» (п. 2 ч. 1 ст. 389.12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)).

Такие метаморфозы присущи только стороне защиты, поскольку процессуальный статус остальных участников уголовного процесса является, как правило, неизменным. Чем же обусловлена происходящая в ходе производства по уголовному делу трансформация процессуального положения ключевого участника процесса со стороны обвинения?

Вопрос этот не праздный. Дело в том, что в юридической науке периодически высказываются предложения отказаться от наделения на стадии предварительного расследования основного участника со стороны обвинения разными процессуальными статусами, оставив какой-то один из них.

В частности, о том, что в советском уголовном процессе не должно быть особой процессуальной фигуры подозреваемого, писал М. С. Строгович [1]. Сомнения в обоснованности существования такой фигуры выражала также И. Б. Михайловская, отмечая, что советские юристы были вынуждены оправдывать ее наличие в законе [2].

Но в теории уголовного процесса можно встретить и диаметрально противоположную позицию, суть которой составляет идея о необходимости вытеснения из досудебного производства процессуальной фигуры обвиняемого, ее замене подозреваемым. Так, по мнению О. С. Поликарповой, именно подозреваемый должен занять положение «единственной процессуальной фигуры, в отношении которой одновременно реализуются функции уголовного преследования и защиты до завершения досудебного производства по делу» [3, с. 141].

Несмотря на различия приведенных позиций, само их наличие свидетельствует о сомнениях ученых-процессуалистов в необходимости суще-

ствования сразу нескольких процессуальных статусов, которые поочередно приобретает субъект, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Обоснованы ли эти сомнения, является ли выделение статусов подозреваемого и обвиняемого излишним усложнением процесса, и если нет, на чем основано существующее разграничение?

Первое, что приходит на ум: процессуальный статус изобличаемого лица может быть предопределен характером осуществляемой в отношении него обвинительной деятельности. В юридической науке принято деление уголовного преследования на формы, в основу которого положено различие тезиса, проверяемого и доказываемого в ходе осуществления процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Как пишет О. Д. Жук, «формы уголовного преследования различаются в зависимости... от степени выраженности, степени конкретности обвинения, по поводу которого уголовное преследование осуществляется» [4, с. 105]. Однако, независимо от того, кто участвует в уголовном деле — подозреваемый или обвиняемый, — содержание уголовного преследования как деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования, не изменяется. Органы расследования используют единый инструментарий (прежде всего следственные действия) как для установления личности еще неизвестного преступника, так и для изобличения уже вовлеченного в уголовный процесс лица, будь то подозреваемый или обвиняемый. И если неперсонифицированное уголовное преследование отличается от персонифицированного пусть не содержанием, то хотя бы направленностью (второе непосредственно связано с личностью конкретного субъекта, версия о совершении преступления которым составляет основной предмет изучения), то содержательных различий в уголовном преследовании подозреваемого и обвиняемого нет и быть не может. А поскольку во взаимосвязи формы и содержания именно последнее составляет определяющую сторону объекта, без изменения содержания никакой модификации формы не происходит. Следовательно, имея единое содержание, уголовное преследование в отношении подозреваемого и обвиняемого осуществляется в одной и той же форме.

Кроме того, отсутствие каких-либо форм уголовного преследования, различаемых в зависимости от того, какова степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению, подтверждается также тем, что, во-первых, подоз-

рение и обвинение являются «продуктом», результатом уголовного преследования, а во-вторых, и при подозрении, и при обвинении органы предварительного расследования устанавливают общий предмет доказывания, сформулированный в ст. 73 УПК РФ, располагая одним и тем же арсеналом познавательных процессуальных средств [5].

Однако неизменность содержательной стороны уголовного преследования при доказывании подозрения и обвинения не означает отсутствия различий между самими этими тезисами. Думается, именно игнорирование этого различия является основной предпосылкой для предложений отказаться от дифференцированных статусов подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве.

Как уже было сказано, и подозрение, и обвинение являются тезисами (утверждениями), выдвигаемыми, проверяемыми и доказываемыми в ходе предварительного расследования. Нередко один и тот же тезис сперва выдвигается как подозрение, а затем в результате накопления доказательственного материала, оказывающего влияние на формирование внутреннего убеждения должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, трансформируется в обвинение.

Не случайно основное процессуальное решение, с которым закон связывает приобретение лицом статуса подозреваемого — задержание, имеет в качестве оснований такие обстоятельства, которые позволяют лишь предполагать о причастности данного лица к совершению преступления (ч. 1 ст. 91 УПК РФ). То же самое можно сказать и о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, ведь основанием для вынесения такого решения являются достаточные данные, указывающие на наличие лишь признаков преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Большого знания в ходе проверки сообщения о преступлении на данном этапе получить, как правило, невозможно в силу ограниченности предмета и познавательных средств досудебной проверки.

Принципиально иной характер имеет обвинение, ведь его выдвижение, процессуально оформляемое постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительным актом или постановлением, возможно только при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Под воздействием такой совокупности доказательств у органа расследования формируется внутреннее убеждение уже не о предполагаемой причастности, но о виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, подозрение и обвинение характеризуются разной степенью доказанности причастности лица к совершенному преступлению: первое носит предположительный характер, а второе — утвердительный [6]. Полагаем, что разграничение процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого является производным именно от этого качественного различия выдвигаемых стороной обвинения тезисов.

В то же время если бы такое разграничение не имело практического значения, а определялось исключительно лексическим фактором, то от него действительно следовало бы отказаться. Нельзя упускать из виду, что в ходе расследования подозреваемый и обвиняемый пользуются практически равным объемом прав и несут общие процессуальные обязанности. Так зачем же законодатель проводит эту грань между подозреваемым и обвиняемым, какое прикладное значение имеет степень доказанности вины лица в совершенном преступлении?

Тезис стороны обвинения, какую бы форму — подозрения или обвинения — он ни имел, пока его правильность не будет подтверждена вступившим в законную силу приговором суда, остается лишь гипотезой. Однако в отличие от гипотезы, выраженной в обвинении, когда орган расследования располагает совокупностью доказательств, достаточной для формирования у него внутреннего убеждения в виновности обвиняемого, подозрение представляет собой лишь предположение о возможной причастности лица к совершенному преступлению. Соответственно, при наличии одного лишь подозрения весьма высока вероятность того, что лицо может в действительности оказаться невиновным.

Данное различие не может не учитываться при определении меры допустимого процессуального принуждения к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Ведь чем ниже уровень доказанности причастности лица к совершенному преступлению, тем выше вероятность того, что применение процессуального принуждения окажется необоснованным, причинит вред правам и свободам невиновного лица. Соответственно, уровень ограничений прав и свобод личности должен варьироваться в зависимости от того, имеется в отношении лица лишь подозрение или уже выдвинуто обвинение. Именно эта задача и решается законодателем посредством дифференциации процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Схематично этот алгоритм выглядит

следующим образом: выдвинутый стороной обвинения тезис (подозрение или обвинение) определяет процессуальный статус (подозреваемый или обвиняемый), в зависимости от которого законодателем поставлена допустимая степень ограничения прав и свобод личности при применении процессуального принуждения.

Чтобы убедиться в правильности такого вывода, достаточно обратиться к ч. 1 ст. 100 УПК РФ, предусматривающей, что мера пресечения к подозреваемому может быть применена только в исключительных случаях. А общее правило, согласно которому обвинение должно быть предъявлено подозреваемому в срок не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, направлено как раз на то, чтобы свести к минимуму продолжительность времени применения принуждения к лицу, в отношении которого имеется только подозрение. Для сохранения меры пресечения органы расследования обязаны собрать доказательства виновности в совокупности, достаточной для привлечения этого лица в качестве обвиняемого.

Аналогичный подход законодатель демонстрирует и при регламентации применения меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе дознания. Согласно чч. 2 и 3 ст. 224 УПК РФ в случае избрания такой меры пресечения в отношении подозреваемого дознаватель обязан не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу составить обвинительный акт, который, как известно, является основанием приобретения лицом статуса обвиняемого, а при невозможности завершить в такой срок расследование дознаватель должен предъявить подозреваемому обвинение.

Кроме того, возможность участия лица в уголовном деле в качестве подозреваемого позволяет обеспечить право на защиту тем лицам, в отношении которых не может быть выдвинуто обвинение, но уже *de facto* осуществляется уголовное преследование. Поэтому нельзя согласиться с авторами, настаивающими на том, что приобретение процессуального статуса подозреваемого не должно быть связано с принятием процессуальных решений о возбуждении уголовного дела или применении мер процессуального принуждения [3]. Конечно, придание лицу статуса подозреваемого в случаях, предусмотренных в пп. 1—3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, является «побочным» результатом принятия процессуальных решений, основная цель которых состоит в ином — в возбуждении уголовного дела или применении меры принуждения. Однако игнорировать тот факт, что принятие таких решений

свидетельствует о наличии в отношении лица подозрения, невозможно, а раз так — придание лицу статуса подозреваемого является логичным и закономерным шагом, обеспечивающим гражданину право на защиту.

Справедливости ради следует заметить, что действующая регламентация, связывающая приобретение лицом статуса подозреваемого с вынесением решений, указанных в пп. 1—3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подвергается критике прежде всего с позиций обеспечения прав подозреваемого. И с этим в полной мере следует согласиться. Как мы уже отмечали ранее, такие решения действительно не оформляют подозрение, не содержат его формулировку, что препятствует реализации подозреваемым права на защиту. Полагаем, что решаться данная проблема должна путем установления в уголовно-процессуальном законе требования об обязательном уведомлении о подозрении лиц, в отношении которых принято решение о возбуждении уголовного дела, задержании или применении меры пресечения не позднее определенного срока (например, трех — пяти суток) с момента вынесения соответствующих процессуальных решений [7]. Соблюдение такой процедуры позволит не только довести до сведения лица суть имеющегося у органов расследования подозрения, но и позволит подозреваемому «ответить» на это подозрение в рамках допроса, являющегося обязательным элементом уведомления о подозрении (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ).

Неразрывно связаны с трансформацией обвинительного тезиса в ходе производства по уголовному делу также и процессуальные статусы, приобретаемые лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, уже в ходе судебного производства.

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Данное положение закона обусловлено тем, что с момента назначения судебного заседания выдвинутое в отношении лица обвинение становится предметом судебного разбирательства, а деятельность по его поддержанию именуется с этого момента государственным обвинением. Кроме того, в такой терминологии проявляется один из «атавизмов» уголовного процесса, ведь до 1992 г. первая стадия судебного производства именовалась преданием суду, и основной вопрос, который на ней решался, состоял в выяснении достаточности оснований для рассмотрения дела в судебном заседании (ст. 221 УПК РСФСР 1960 г.). Таким

образом, предание суду было той стадией, на которой происходила «отдача обвиняемого под суд», вследствие чего он и становился «подсудимым».

Занимая буферное место между досудебным производством и судебным разбирательством, стадия назначения судебного заседания имеет двойное назначение: с одной стороны, на ней разрешаются вопросы, связанные с организацией предстоящего судебного разбирательства, а с другой — осуществляется судебный контроль за предшествовавшей процессуальной деятельностью, чтобы убедиться в том, что уголовное преследование осуществлялось в соответствии с законом, а права подозреваемого, обвиняемого и других участников процесса были в должной мере обеспечены и не нарушались. Кроме того, на рассматриваемой стадии обвинение может измениться вследствие отказа прокурора от обвинения на предварительном слушании, а также прекращения дела судом по ходатайству сторон при наличии иных оснований, предусмотренных ст. 25 и 28 УПК РФ. Как следствие, в судебное разбирательство выносится уже не то обвинение, которое сформулировано в обвинительном заключении, а прошедшее сквозь фильтры судебного контроля, учитывающее все корректировки, внесенные в ходе предварительного слушания. Вследствие этого и возникает необходимость фиксации обвинительного тезиса в судебном акте, определяющем предмет и пределы судебного разбирательства, — постановлении о назначении судебного заседания, что, в свою очередь, и самому обвинению придает качественно иной характер. Таким образом, происходит трансформация формы фиксации обвинительного тезиса, который с этого момента принимается судом в качестве предмета исследования, и эта трансформация влечет за собой изменение наименования субъекта, в отношении которого этот тезис выдвинут: обвиняемый становится подсудимым.

Что же касается статуса оправданного или осужденного, то здесь именование определяется отражаемыми в приговоре результатами судебного разбирательства в отношении подсудимого по поводу предъявленного ему обвинения. Вместе с тем важно понимать, что постановление судом оправдательного или обвинительного приговора означает упразднение обвинения как тезиса, поскольку с этого момента оно судом разрешено. Однако оправдание и осуждение, выраженные в приговоре, — это тоже тезисы, но уже принципиально иные в сравнении с обвинением. Разница заключается в том, что, в отличие от обвинения, выдвиг-

гаемого стороной, и, как уже было сказано, упраздняемого в связи с его разрешением, оправдание и осуждение — это утверждения, исходящие от суда. Другими словами, в отношении оправданного или осужденного формулируются совершенно новые тезисы (утверждения), отражающие уже внутреннее убеждение суда.

Здесь следует обратить внимание на одну теоретическую проблему, возникающую в случае обжалования приговора и переноса уголовного дела в вышестоящую — апелляционную — судебную инстанцию. Дело в том, что в суде второй инстанции прокурор имеет статус государственного обвинителя, что позволяет предположить, что на данной стадии государственное обвинение появляется вновь (после его упразднения путем разрешения по существу и постановления приговора). Но при этом представители стороны защиты участвуют в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции в качестве оправданного или осужденного. Из этого следует сделать вывод, что государственный обвинитель, участвуя в апелляционном производстве, оспаривает или, наоборот, обосновывает правосудность приговора, отстаивая тот же тезис, что и в суде первой инстанции. Однако поскольку предметом рассмотрения в суде второй инстанции является законность, обоснованность и справедливость судебного акта, поддерживаемый прокурором тезис уже не имеет никакого значения для определения процессуального статуса участников со стороны защиты. Эти субъекты именуются оправданным или осужденным, поскольку проверка приговора судом апелляционной инстанции нацелена прежде всего на верификацию утверждений суда — оправдания или осуждения. Именно эти тезисы продолжают предопределять процессуальный статус представителей стороны защиты.

Аналогичным образом следует объяснять процессуальное положение оправданного и осужденного в судах кассационной и надзорной инстанций, где вообще нет ни обвинения, ни защиты — стороны кассационного или надзорного разбирательства направляют свои усилия либо на оспаривание судебного акта, либо на обоснование его правосудности и необходимости сохранения его в силе. И прокурор на этих этапах судопроизводства уже не является государственным обвинителем, ведь он обязан добиваться пересмотра любого незаконного судебного акта, равно как и отстаивать необходимость сохранения законной силы правосудного решения независимо от того, какой судеб-

ный тезис в них отражен — оправдание или осуждение [8].

В связи с дополнением УПК РФ главами 45.1 и 47.1¹ в уголовно-процессуальном праве была закреплена еще одна разновидность статуса участника судопроизводства со стороны защиты — лица, в отношении которого уголовное дело прекращено (ст. 389.24, 401.6 УПК РФ). Такая фигура может появиться в процессе в случае обжалования в вышестоящую судебную инстанцию постановления или определения суда, которым уголовное дело прекращено. Такое судебное решение упраздняет обвинение, поддерживаемое государственным обвинителем, причем в ряде случаев, когда уголовное дело прекращается по реабилитирующим основаниям, оно имеет, по сути, то же правовое значение, что и оправдательный приговор. Между тем вследствие того, что, в отличие от приговора, в постановлении или определении о прекращении уголовного дела суд не формулирует утверждений об оправдании или осуждении, лицо, в отношении которого оно вынесено, именоваться оправданным или осужденным не может. Этим и обусловлено использование законодателем для его обозначения термина «лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено», обогащающего таким образом «палитру» наименований процессуальных участников уголовного процесса со стороны защиты.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что различие процессуальных статусов, которые последовательно приобретает в ходе процессуальной деятельности лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является объективно обусловленным. Такой процессуальный статус продиктован сущностью выдвинутого в отношении лица тезиса о причастности к совершенному преступлению, а потому этот статус меняется каждый раз, когда происходит трансформация или выдвижение нового тезиса (подозрение, обвинение, государственное обвинение, осуждение / оправдание). На стадии предварительного расследования наличие двух процессуальных статусов, которыми может наделяться лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет важное практическое значение, поскольку от статуса зависит мера допустимого

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Рос. газ. 2010. 31 дек.

процессуального принуждения. В связи с этим предложения ввести для лица, подвергнутого в ходе досудебного производства уголовному преследованию, единый статус (подозреваемого или обви-

няемого) представляются непродуктивными, а их реализация стала бы шагом назад в развитии российского уголовно-процессуального права.

1. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 191 с.

2. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). Москва: Проспект, ТК Велби, 2003. 144 с.

3. Поликарпова О. С. Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 278 с.

4. Жук О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). Москва: ИНФРА-М, 2004. 272 с.

5. Дикарев И. С., Байманов С. С. Формы уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 167—175.

6. Дикарев И. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8. С. 20—22.

7. Дикарев И. С., Никонович С. Л. Выдвижение подозрения в уголовном процессе // Вестник военного права. 2021. № 3. С. 7—12.

8. Дикарев И. С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 28—32.

Дикарев Илья Степанович,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
директор института права
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

1. Strogovich M. S. Prosecution in the Soviet criminal procedure. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing; 1951: 191. (In Russ.).

2. Mikhailovskaya I. B. Purposes, functions and principles of Russian criminal proceedings (criminal procedure form). Moscow: Prospect; TK Welby; 2003: 144. (In Russ.).

3. Polikarpova O. S. The formation of the procedural status of a suspect in Russian criminal proceeding. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2025: 278. (In Russ.).

4. Zhuk O. D. Prosecution in criminal cases connected with organizing gangs (criminal enterprises). Moscow: INFRA-M; 2004: 272. (In Russ.).

5. Dikarev I. S., Baymanov S. S. Forms of prosecution. Legal concept = Pravovaya paradigma, 167—175, 2021. (In Russ.).

6. Dikarev I. Suspicion in criminal procedure. Legality, 20—22, 2013. (In Russ.).

7. Dikarev I. S., Nikonovich S. L. Bringing suspicion in criminal procedure. Journal of military law, 7—12, 2021. (In Russ.).

8. Dikarev I. S. Criminal procedure function of the prosecutor in appeal and supervisory courts. Criminal proceedings, 28—32, 2022. (In Russ.).

Dikarev Iliya Stepanovich,

professor at the criminal procedure department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
head of the institute of law
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *